

Н. М. ФЕДОСОВА

Маргиналии на экземпляре «Слова о полку Игореве» (М., 1800)

В 1800 г., на рубеже веков, вышел в свет уникальный памятник древнерусского языка и литературы, блестящий образец общественной мысли XII в. — «Ироическая песнь о походе на половцовъ удельнаго князя Новгород-Северскаго Игоря Святославича, писанная старинным русскимъ языкомъ въ исходе XII столетия съ переложениемъ на употребляемое ныне наречис».

«Песнь» быстро распространилась по России, завораживая ученых, любителей словесности. Воронеж не был исключением. На территории края издавна жили выдающиеся личности, глубоко увлекавшиеся литературой, историей России, библиофилы, собиратели книг, приложившие свои таланты к всеобщему великому делу по изучению «Слова о полку Игореве». Среди них были такие подвижники-просветители, как Е. А. Болховитинов (в монашестве — Евгений, 1767—1837), Н. И. Костомаров (1817—1885), М. Ф. Де-Пуле (1822—1885), А. Н. Афанасьев (1826—1871), А. М. Путинцев (1880—1937). Поэтому не случайно в университетской научной библиотеке собрана примечательная «словиниана» с редчайшими изданиями «Слова», с автографами первых его исследователей.¹ В течение многих десятилетий «словиниана» активно использовалась в регионе в научных, учебных и просветительских целях. В репертуаре мероприятий, посвященных «Ироической песни», были: юбилейные заседания кафедр и научных студенческих обществ, доклады, курсовые и дипломные работы, статьи в местной и центральной печати, книги, многочисленные книжные композиции, обзоры, телепередачи.²

¹ «Слово о полку Игореве» в фондах научной библиотеки Воронежского гос. ун-та: Каталог выставки / Сост. Н. М. Федосова; Под ред. О. Г. Ласунского. Воронеж, 1985. 34 с., ил.

² Ананьева Т. Находка, ведущая в поиск: Необычный экземпляр «Слова о полку Игореве» в библиотеке ВГУ // Воронежский университет. 1978. 7 февр.; Федосова Н. М., Ласунский О. Г. «Слово...» в Воронеже // Коммуна (Воронеж). 1985. 13 окт.; Ефремов Э. П. Путь к истине // Сов. культура. 1986. 25 янв.; Ковалев Г. Ф. 1) Этнонимия «Слова о полку Игореве»: (К 800-летию создания поэмы) // Przegląd Rusycystyczny. Warszawa; Łódź, 1986. Roczn. 8, z. 4. S. 53—62; 2) Загадочный этноним «деремела» // Филол. зап.: Вестн. литературоведения и языкознания. Воронеж, 1993. Вып. 1. С. 122—133; Амелькин А. О. 1) Об авторе «Слова о полку Игореве» // Герменевтика древнерусской литературы XI—XIV вв. М., 1992. Сб. 5. С. 30—50; 2) Читая «Слово» вновь // Берег (Воронеж). 1995. 19 мая; 3) К вопросу о целях похода князя Игоря в половецкую степь и русско-половецких отношениях в 1185 г. // Материалы международной конференции, посвященной 600-летию спасе-

Жемчужиной коллекции можно считать первопечатное «Слово», подготовленное А. И. Мусиным-Пушкиным со своими друзьями-учеными, вышедшее в 1800 г. в Москве тиражом 1200 экземпляров. В библиотеке хранится два из них (всего в мире около 70).

Один весьма уникален, так как представляет собой труд комментатора-исследователя, жившего в России в 1-й половине XIX в. Как же попал загадочный раритет в университетскую библиотеку? Ответить помогли прежде всего владельческие знаки на книге, известившие нас о принадлежности экземпляра Сергею Николаевичу Введенскому. Кто он? Чем занимался? Где жил, и как попала книга в его личное собрание? Поиск привел автора статьи в воронежские архивы. Вот о чем поведали документы.

До войны с 1918 по 1930 г. в университете преподавал историю увлеченный человек-краевед, историк, филолог, библиофил С. Н. Введенский.³ Он питал горячую страсть к древнерусскому памятнику и не проходил мимо всего, что к нему относилось. Эту мысль подтверждает репертуар его личной библиотеки, часть которой сейчас хранится в университетском книжном фонде. В собрании Введенского сохранились лучшие переложения, комментированные переводы «Слова о полку Игореве», вышедшие в свет в XIX—начале XX в. В 1930 г. по ложному «делу краеведов» Сергей Николаевич был арестован и долгие годы находился в сталинском ГУЛАГе.

Предполагаем, до ареста Введенский успел спрятать свои ценные книги в фондах университетской библиотеки, директором которой он был в последнее время. Поэтому мы склонны думать, что именно ему обязаны наличием в коллекции «словинианы» уникального экземпляра «Слова».

К сожалению, университетские экземпляры «Слова» (М., 1800) не были учтены Л. А. Дмитриевым в его работе по описанию всех обнаруженных к 1960 г. первых изданий «Слова».⁴ На наш взгляд, уместно в данной статье дать краткую характеристику интересующего нас экземпляра «Слова». Переплет его немой, в традиции конца XVIII в., без обозначения или наименования. Обложка наклеена на картон, корешок и уголки — из светло-коричневой кожи. Уголки сохранились только верхние, нижние, как свидетельствует давняя шутливая запись, «souvenir gonge par les rats de Smirdin».⁵

В верхней части корешка читаем название памятника в сокращенном варианте «Пес. Иго..».

Бумага, на которой напечатано «Слово» в московской типографии, использована разных цветов и плотности. Выделяются три ее сорта: 1) плотная, толстая, кремового оттенка без водяных знаков; 2) плотная, голубоватого цвета, с частыми понтюзо; 3) бумага с гладкой поверхностью, с сероватым оттенком.

Восьмушки со с. 1, 2, 7, 8 подклеены к следующим страницам, а восьмушки со с. 15, 16, 37, 38 — к фальчикам. «Поколенная роспись россий-

ния Руси от Тамерлана и 125-летию со дня рождения И. А. Бунина. Елец, 1995. С. 30—32; Федосова Н. М. 1) Маргиналии на экземпляре «Слова о полку Игореве» (М., 1800): Доклад прочитан на Чтениях по истории древней и новой России. Ярославль, 1994; 2) Еще раз о «Слове» // Воронежский университет. 1995. 7 февр.

³ Памятные книжки Воронежской губернии (1856—1906) / Сост. В. В. Литвинов. Воронеж, 1908. С. 110—113; Акиншин А. Н., Федосова Н. М. Он жил на стыке двух эпох // Воронежский курьер. 1993. 30 нояб.

⁴ Дмитриев Л. А. История первого издания «Слова о полку Игореве»: Материалы и исследования. М.; Л., 1960. С. 17—56.

⁵ «сувенир изгрызан хрысами в лавке Смирдина» (франц.).

ских великих и удельных князей, в сей песни упоминаемых» и «Погрешности» вклеены последовательно перед последней восьмушкой книги. Первый печатный лист экземпляра содержит титул и вступительную заметку «Историческое содержание „Песни“». Остальные листы занимают древнерусский текст «Слова», перевод и подстрочные примечания. По заключительной виньетке — лира с веточкой розы — экземпляр относится к первому виду издания.

Следует заметить, что наш экземпляр «Слова о полку Игореве» привлекал на протяжении многих лет внимание исследователей: ученых, студентов, сотрудников научной библиотеки университета. К сожалению, он не стал предметом научного исследования ученых-специалистов.

Данная работа — результат совместных усилий в поиске решений многих вопросов: кому принадлежал раритет, кто оставил на его страницах глубокие, профессиональные маргиналии и что вносят они нового в многообразную литературу о «Слове»? Эта статья — первая публикация краткого анализа содержания маргиналий.

Комментатор не оставил своего имени, хотя порой и кажется, что он обращается к тому, кто когда-нибудь возьмет в руки книгу и захочет узнать, кому она принадлежала. О таком его желании говорят пригластительный характер многих записей, их убеждающий эмоциональный тон. Единственное, что посчитал нужным сообщить о себе исследователь, мы находим в записи на титульном листе: *«Я сын твой, мать моя Россия!»*.⁶ Возможно, этой строкой автор подчеркивал, что он прежде всего патриот своей отчизны и гордится героическим прошлым своего народа.

Судя по всему, исследователь принадлежал к передовым кругам русской общественности, переживавшей в первой половине XIX в. подъем патриотизма и национального самосознания после победы над Наполеоном. Это была эпоха пристального внимания к истории русского народа. Именно эта эпоха вызвала мощный всплеск восторга ярчайшей звездой древней книжности, появившейся на литературном небосклоне. Благодаря «Слову» в широком потоке научной и общественной жизни появилась блестящая плеяда литературоведов — медиевистов, лингвистов, историков, археографов, поэтов и писателей, околдованных средневековым славянским памятником. Мы уверены, что среди них был и наш анонимный автор комментариев.

Назвать его имя, выяснить, к какой литературной школе он принадлежал, какова была цель его работы над памятником, издал ли он свои комментарии, какое место они занимали среди других работ ученых XIX в. — сложные задачи, которые мы пытаемся решить вот уже много лет.

Поиск велся в разных направлениях. Во-первых, были изучены творческие биографии ведущих исследователей «Слова», живших примерно в 30—60-е гг. XIX в. Во-вторых, сверены тексты записей автора с комментированными изданиями памятника, вышедшими в середине и второй половине XIX в., имеющимися в фондах университетской библиотеки. В-третьих, была обработана литература по «Слову», опубликованная с момента его выхода. Просмотрены с этой же целью разного назначения энциклопедии, словари, справочники. Кому отдать предпочтение, кого назвать автором маргиналий? За годы работы в этом направлении возникло много версий. Вот одна из них.

⁶ Цитаты из текстов комментариев приводятся в современной орфографии, из «Слова» — в древнерусской. Здесь и далее курсивом набраны тексты из комментариев.

Многие факты помогают предполагать связь комментариев с именем профессора Московского университета Ивана Михайловича Снегирева (1793—1868). Например, «Дневник»⁷ ученого свидетельствует об обширной переписке с многими исследователями «Слова», в том числе и с Е. А. Болховитиновым (Евгением) — первым воронежским ученым-краеведом. Кроме того, Иваном Михайловичем был издан текст «Слова» с обширными подстрочными примечаниями.⁸ Очень хотелось бы признать его автором комментариев. Но во всех биографических материалах о Снегиреве нет конкретных данных, подтверждающих его работу над «Словом» в годы, указанные в комментариях (удивительно, что в «Дневнике» отсутствуют записи именно за эти годы).

Отсутствие прямых подтверждений других версий не позволяет признать ни одну из них.

На основе текста маргиналий можно составить лишь общую характеристику личности исследователя. Безусловно, он был профессионалом в области древнерусского языка и литературы, истории России. С уверенностью можно сказать, что он глубоко знал специальные труды ученых предшественников и современников, славянские источники, изученные им во многих государственных, монастырских, церковных и частных библиотеках. Автор был человеком широко образованным, эмоциональным и поэтически одаренным, горячо любил свое отечество.

Нас интересовал вопрос, где и когда исследователь работал над текстом «Слова». Ответ мы нашли прежде всего на титульном листе книги. На его верхнем поле легко читается запись: «*Февраль, март, апрель и май 1838 год. Могилев на Днепре*». Последующие записи (с. 6, 9, 37)⁹ подтвердили, что автор продолжил комментирование «Слова» в г. Мстиславле в 1841 г. (октябрь) и в 1843 г. (сентябрь, ноябрь). В текстах-комментариях встречаются названия и других географических мест, где автор, возможно, сам жил или бывал у своих родных и знакомых. Чаще всего упоминаются Вологодская и Черниговская губернии, Вохма (ныне Костромская область) и другие географические точки.

Записей, оставленных им на страницах первопечатного «Слова», весьма и весьма много. Они занимают все свободное от печатных знаков пространство и «привязаны» к тексту оригинала (лишь иногда комментатор переносил записи на следующую страницу).

Большая часть комментариев написана коричневыми чернилами одним каллиграфическим почерком. При внимательном анализе графических начертаний букв с большим сомнением можно выделить еще два почерка. Любопытно, что взгляды владельцев всех почерков на конкретные проблемы «Слова» весьма схожи.

В структуре записей обнаружена определенная система, которую выработал для себя автор. Все комментируемые выражения, фразы, слова, окончания, предлоги он подчеркивал одной чертой; знаком «!» выражал свое восхищение талантом творца древней песни; символом «#» указывал на продолжение записи в другом месте. Комментарии на странице располагал в установленном порядке: сначала заполнял левое поле, затем верхнее, боковое правое и, наконец, если это было необходимо, оставлял свои мысли на нижнем поле страничного пространства.

⁷ Дневник Ивана Михайловича Снегирева // Рус. архив. 1902—1904.

⁸ Снегирев И. М. Поведание и сказание о побойще великаго князя Димитрия Донскаго, Слово о жити и преставлении его, и Слово о плъку Игореве // Рус. ист. сборник. М., 1838. Т. 3, кн. 1. С. 107—128.

⁹ В скобках указываются страницы первопечатного издания «Слова».

Дешифровку текстов комментариев весьма затрудняло своеобразное графическое изображение букв. Особенно часто возникали сомнения при прочтении слов и их окончаний, так как в рукописных пометах трудно было различать буквы е—о, е—а, ъ—ѣ—ъ, с—о, е—ѣ, е—ъ, ъ—о, я—а, и—ы, и—і, е—ѣ—ѣ.

При прочтении текста оригинала исследователь прокомментировал более 200 слов, фраз, словосочетаний, оставил много записей, носивших биографический, исторический, географический характер.

В работе над текстом ученый использовал сравнительно-исторический метод, широко известный в России в 20—30-е гг. XIX в. Суть метода заключалась в следующем: значение отдельных фраз, словосочетаний из текста древних памятников объяснялось цитатами из исторических, литературных, лингвистических источников, фольклорных материалов, из языков других народов, справочных изданий, где смысл комментируемых мест оригинала был наиболее ясен и понятен.

Автор располагал маргиналии в такой последовательности: сначала выписывал комментируемое место, затем излагал свое мнение, а потом приводил микропараллели из других источников. Цитаты давал с орфографическими упрощениями (хотя иногда встречаются слова с титлами и выносными буквами), но полностью, без сокращений, чтобы можно было сравнить слово и таким образом выяснить значение его в оригинале изучаемого памятника. Чаще всего толкователь комментируемое место иллюстрировал микроэтюдами из источников-памятников, хронологически относящихся к XI—XIV вв., по духу близких «Слову».

Прежде всего комментатор находил близость и сходство «Слова» с древними летописями. Он приводил примеры из Новгородской, Ипатьевской летописей. Использовал «Летописец Нестора», «Летописец по Кенигсбергскому списку», «Летопись по списку Синодальной библиотеки» (названия источников фиксируем так, как записал их автор).

Исследователь сопоставлял «Слово» с историческими источниками. Вот некоторые из них: Правда Русская, Изборник 1073 г., Судебник Ивана Васильевича, Грамота Дмитрия Ивановича Донского, Грамота вел. кн. Тверского Михаила, Грамота I пол. XV в. из Литвы кн. Казимира в Новгород, Акты исторические.

Он часто использовал цитаты из библейских книг: Библия (Ветхий и Новый Заветы), Евангелия от Луки, Марка, Иоанна, Матфея, Евангелие по Венскому списку, Польская библия, Псалтырь по Болонскому списку.

Для того чтобы аргументировать свое понимание текста оригинала, толкователь приводил микроэтюды из Жития св. Филарета, Поучения Владимира Мономаха, Поучений Луки Жидятя.

Ученый широко привлекал фольклорный материал. Особенно часто ссылался на говоры, бытовавшие по р. Вохме (Костромская область), в Вологодской губернии, а также на народные песни, сказки.

Интересны по своему содержанию использованные автором «Воспоминания по Бессарабии», «Путешествие игумена Даниила по святым местам». Любимыми источниками комментатора были Новгородская летопись (использована 113 раз), «Статут Литовский» (использован 30 раз),¹⁰ «Грамматика» Й. Добровского (использована 32 раза).¹¹

¹⁰ Статут Великого князства Литовского 1588 года // ВОИДР. М., 1854. Кн. 19. С. 1—382.

¹¹ Добровский Й. Грамматика языка славянского по древнему наречию. СПб., 1833—1834. Ч. 1—3.

Среди записей есть множество ссылок на древние рукописи с указанием их мест хранения. Например: «*Рукопись 1076 (принадлежала кн. Щербатову, а ныне императорской Публичной библиотеке)*» (с. 10), «*Рукопись Евангелия XIV или XV столетия (находящегося в Благовещенской древней церкви в Витебске)*» (с. 8). Всего использовано 11 древних рукописных памятников XI—XV вв.

Ко времени работы над текстом «Песни» толкователь, вероятнее всего, был знаком с трудами многих специалистов по истории древней литературы и древнеславянских языков. Эта мысль подтверждается ссылками на их работы, в частности на вышеназванную книгу Й. Добровского «Грамматика языка славянского по древнему наречию». Она была издана в переводе на русский язык в 1833—1834 гг. и сразу же приобрела широкую известность. Помимо этой книги встречаются названия трудов других авторов: Н. Ф. Грамматина, А. Х. Востокова, Я. О. Пожарского, О. И. Сенковского. Автор не только ссылается на их авторитет, но и полемизирует с ними по многим проблемам «Слова».

Из справочной литературы в комментированных текстах есть названия словарей В. В. Радлова, а также С. Линде, Ульфипла и др.

Итого, более 80 названий источников автором использовано более 400 раз.

При прочтении и освоении «Слова» исследователь проявлял удивительно бережное отношение к тексту, что свидетельствует о большой культуре ученого, глубоко знающего законы и традиции средневековой литературы, восхищенного творением анонимного автора. Для доказательства процитируем начало комментируемых текстов: «*Нам кажется...*», «*Я полагаю...*», «*Поэтому у нас является догадка...*», «*Проследим далее нашу гипотезу...*».

Характер всех записей — эмоциональный, с разными оттенками сомнения, раздумья, отрицания, согласия. Читая их, мы прослеживаем взгляды, позицию исследователя по многим вопросам, бывшим в то время в центре споров по проблемам памятника, многие из которых и сейчас являются предметом филологических, исторических и прочих дискуссий.

Около двух столетий исследователи бьются над вопросами, кто же тот русский Боян, написавший удивительным слогом поэму о князе и его современниках, где и когда он жил, какое положение занимал в славянском обществе.

Свое мнение наш автор выразил поэтической строфой, написанной им на обороте титульного листа:

*Дьячек ли, дьякон, подьячий или дьяк,
Кто б ни был ты, — Лука, Софрон или Ермак,
Живи под именем стран русских Оссигана.
Но кем назвать нам твоего Бояна?*

Полагаем, что в этом вопросе ученый не отдавал никому пальму первенства. Но в то же время он любовался творцом «Слова», восхищался его гениальностью. Например, он специально выписал слова и выражения (с. 7): «*Вещей Бояне, Велесов внуце, Ветры, Стрибожа внуци, Жить, Даждь-Божжа внука*» и рядом с ними начертал: «*Подобных выражений в Слове о П. И.¹² есть несколько. Они весьма замечательны*». И далее (с. 12), прочитав фразу «*Стязи глаголють*», написал: «*Трудно найти выражение живописнее, прекраснее этого*». О слове болони (с. 23) автор вы-

¹² «Слово о П. И.», «С. о П. И.» — так комментатор сокращал полное название «Слова».

разил свое восхищение так: «Болонь собственно значит *перегородье*. Это прекрасное слово так употреблено в Кенигсб[ергской] летописи». Слово лада называется прекрасным словом, которое «до сих пор употребляется как ласкательное. Лада, ладушка моя» (с. 38).

В отношении основной идеи поэмы наш автор был прав, коротко, но ясно выразив свое мнение в записи на шмуцтитule своего экземпляра «Слова»: «Завет предков к потомству». В подтверждение своей мысли он отмечает, что выражения «За землю русскую — земля русская — русская земля повторяются в продолжении песни 20 раз. Часто встречаются они и у наших летописцев» (с. 5).

По поводу древности памятника у автора, по-видимому, не было сомнений. Он обосновывает древнее происхождение «Песни» филологическими, историческими, лингвистическими данными. Приведем несколько примеров.

Наиболее интересную запись читаем на с. 14: «К числу доказательств неподдельности, древности этого драгоценного произведения служит и употребление одного только отчества, особенно у женщины, совсем не упоминая об имени, — Красныя Глебовны свычая и обычая, Ярославнын глас слышит. Так в Новгородском летописце, год 1122, говорится: Того же лета оженися Мстислав в Киеве поя Дмитриевну. Прекрасно и как нельзя вернее ученый Сенковский заметил, что у нас в народе до сих пор часто довольствуются одним только отчеством, опуская крестное имя, прямо ли обращаясь к особе или говоря в третьем лице заочно. Знакомым с обычкновениями, с духом народа конечно же не раз удавалось слышать: позовите Ивановну; баить про Федоровну и т. п. Это обыкновение принадлежит к самым древнейшим в народе, и удивительно, как ни один из занимавшихся или переводом или объяснением С. о П. И. не обратил на это обстоятельство никакого внимания. См. любопытную об этом статью в X томе Энцикл[опедического] лексикона „вчѣ“ и „вна“ Сенковского».

Подчеркивая орфографические особенности слова *жемчугъ*, автор отмечал: «Орфография этого слова — одно из отличных доказательств древности и неподдельности „Слова о полку Игореве“» (с. 23).

Свою мысль о древности творения он подтверждает также наличием в тексте оригинала различных форм глаголов. Например: «*Жикахуть*. Эту форму глаголов можно встретить только в древних памятниках славянизма» (с. 17).

Кроме вышеуказанных проблем исследователя интересовали также: толкование «темных мест», значение отдельных слов и выражений, история собственных имен и географических названий, грамматическая структура «Слова».

Прежде всего остановимся на разъяснении автором так называемых темных мест, которых к настоящему времени почти не осталось, но в 30—40-е гг. XIX в. их было достаточно много («темными местами» и до сих пор считаются непонятные по смыслу фразы, слова, заключающие в себе нарушения грамматических норм древнерусского языка; они возникли в процессе прочтения текста рукописи «Слова» первыми издателями, а также в результате переложений текста оригинала «Слова» последующими исследователями). Для объяснения «темных мест» автор использовал обширный материал, собранный им за долгие годы профессиональной работы.

Приведем лишь некоторые наиболее интересные комментарии к «темным местам» «Слова».¹³

¹³ Современное прочтение «темных мест» «Слова» см.: Энциклопедия «Слова о полку Игореве». СПб., 1995. Т. 1—5.

Дивъ кличетъ (с. 9) — «*дивъ* — по древней мифологии неприязненное божество, некогда властвовавшее землею, потом прогнанное ангелами. По персидской мифологии, оно живет теперь на конце света, за горою Каф. *Дивъ* — не значит филин, как объяснили переводчики, но божество славянское».

В настоящее время большинство исследователей считает, что *див* — существо, в котором воплощены силы зла.

Вечи Трояни (с. 14) — «*Жители Бессарабии все валы вообще называют словом Троянь* — вал, разделяющий Добружскую область, как бывшую Малую Скифию от Мизии, также называется *Троянь*. На мизоготском наречии по Ульфилу, которого язык царствовал в этих местах, слово *thai-han* — значит сжимать, стеснять, ограждать; слово, которое может значить и грань, граница».

Автор сравнивает это слово с греческим, верхнесорбским, польским языками, приводит микротексты из «Воспоминаний по Бессарабии», из словарей и других источников, чтобы подтвердить свое понимание слова **Трояни**.

И на Канину (с. 16) — «*Испорченное ли это слово*».

Коничина — «*род травы, самое лучшее сено; без сомнения, происходит от конь, то есть трава, любимая конем...*».

Безъ кнеса (с. 23) — «*князек, и теперь в деревенской архитектуре так называется верхнее бревно, верхний брус, на котором держится верх строения*».

Готския красныя девы (с. 25) — «*Издатели Слова о П. И. не знают, почему одержанная половцами над русскими победа могла доставить готским девам русское золото и радость. По самой простой причине: потому что готские красивые девы были девы половецкие, ибо половцы одного происхождения с готами*».

До куръ (с. 36) — «*Не до Курска, а до петухов, то есть до времени пения петухов. В народе говорят: он встает до петухов; он с курами ложится спать; до кур встает (см. у Грамматина Примечания 150)*».

Бебрянь рукавъ (с. 38) — «*Бебрянь* — не имеет ли это слово какого-нибудь сходства с выражением скатерти бранья, шитым браным рукавом? В шитом браном пологу. Так как все это происходило летом, а не зимой, то на Ярославне в то время не могло быть шубы, а следовательно, бобрового рукава. Притом же как утирать шерстью кровавые раны, и опять, бобровый рукав омочить в реке: одно с другим никак не соединяется. Это место без сомнения испорчено переписчиком, может быть, сначала стояло *выбранъ* или что-нибудь подобное».

Примерно к такому прочтению слова пришел в 1956 г. Н. А. Мещерский.¹⁴ Он предложил понимать это слово как шелк особой выделки, а не мех бобра. Комментируя это слово, Д. С. Лихачев писал: «Рукава верхней одежды знати в Древней Руси делались длинными. Их обычно поднимали вверх, перехватывая запястьями. В ряде церемониальных положений их спускали книзу (стояли «спустя рукава»). Такой длинный рукав легко можно было омочить в воде, чтобы утирать им раны, как платком».¹⁵

Стругы ростре на кусту (с. 42) — «*Стругы здесь означают не лодки, называемые теперь стругами, а волны, которые в древнем нашем языке*

¹⁴ Мещерский Н. А. К толкованию лексики «Слова о полку Игореве» // Учен. зап. ЛГУ. 1956. № 198. Сер. филол. наук. Вып. 24. Очерки по лексикологии, фразеологии и стилистике. С. 5—7.

¹⁵ Лихачев Д. С. Комментарий исторический и географический // Слово о полку Игореве. М.; Л., 1950. С. 461.

назывались *стругы*... Ученые неправильно переводят здесь *стругы*, *стругам* — лодкой. Во-первых, здесь нет речи о лодках по смыслу; во-вторых, это значение отвергает здесь грамматика: слово *стругы* во множественном числе было бы *струзи*, как *стязи* (5 раз употребленное в этой форме), *рози*, а окончание *-гы* во множественном числе принадлежит именам женским окончания *-га*, напр.: *яругы*, *телегы* и *старугы*...». Эта фраза и по сей день комментируется неоднозначно.

Ряд микроэтидов, разбросанных в маргинальном пространстве, посвящен лексемам спорным и до настоящего времени. Вот некоторые из них.

Кожухы (с. 11) — «Здесь разумеется не шуба, не тулуп, а дорогое верхнее платье».

Харалужными (с. 13) — «Будет значит бранный, немирный, карательный, убийственный». В настоящее время в литературе прилагательное *харалужный* переводится как булатный.

Поскепаны (с. 13) — «Скепать — значит щепать, колоть, раскалывать».

Живота (с. 13) — «Означает имяние, богатство». В современном прочтении это слово объясняется так же.

Жирня (с. 19) — «Здесь надо перевести именно так, как первые издатели С. о П. И. и как г. Пожарский. Сей последний весьма основательно принимает слово *жирный* в том значении, как оно принималось в старину — в значении пожирающий, убийственный, губительный. *Жирный*, впрочем, значит и тучный, однако едва ли значит обильный».

Венецици (с. 22) — «Едва ли венециане. Скорее, может быть, жители моря Балтийского, которое в старину называлось Венецицким».

Кають (с. 22) — «Не то же ли, что хают, хулят. Что ты хаешь? Именно так! Старинное слово *каять* значило бранить, ругать, порицать, укорять, даже проклинать. Оттуда вышло окаянный, проклятый, отверженный. Оставив употребление этого слова в залого действительного, мы употребляем еще его в форме глагола возвратного: *каяться*, *покаяться*. Существительное *покаяние*».

Врани (с. 23) — «По всему надо заключить, что здесь под *вранами* разумеются иносказательно половцы. Затем понятно будет следующее за ним выражение...».

Кощей (с. 30) — «Здесь под *кощею* разумеется не особенное какое-либо лицо, но тот же самый Кончак, который из презрения и ругательства назван кощею. Это слово до сих пор употребляется в значении скупца, скряги, скареда и притом старого. Так говорят: эо ты кощей бессмертный, кощей проклятый, окаянный и т. п.».

Доспели (с. 32) — «В некоторых местах Вологодской губернии слово *доспеть* до сих пор употребляется в значении делать. Он мне *доспел* и пр., *доспем* ему, *доспей* мне и т. д. Здесь совсем не значит *поспешили*, а только то, что они в состоянии ратовать, сражаться и, может быть, даже опытни, искусны в военном деле. Самое течение речи противоречит этому значению: автор обращается к князьям, просит их, зовет к защите, к месту за Игоря, он показывает достоинства князей, говорит, что каждый из них может, в состоянии вступить за честь Отечества — Ольговичи храбрые князья, Ингварь и Всеволод и все три Мстиславича не худо гnezда — остается им только захотеть участвовать в общем деле. Такая мысль автора. *Доспеть* здесь значит вооружиться».

Вежи (с. 40) — «Вежа — не застава, но шатер, палатка. Половцы по большей части жили в поле в шатрах, возя в телегах свое имущество, как татары...».

Не быть (с. 40) — «Не значит ли не существовать, не жить? В Белоруссии до сих пор говорят о человеке опасно больном: ему не быть, т. е. он умрет. Уж ей голубушке не быть. Жить да быть — эти два слова прежде так были однозначущи, что или ставились вместе, как мы видели, или же одно вместо другого. Так в Литовском Статуте вместо *прижить* употреблено *прибыть*...».

По ходу комментирования текста толкователь анализировал грамматический строй «Слова», привлекая для аргументации своей точки зрения «Граматику» Й. Добровского, языковые и другие аналогии. Особенно пристальное внимание он уделял употреблению падежей.

Например, рассматривая слово *славе* (с. 8), истолкователь так изложил свою позицию: «Употребление дательного вместо родительного, как же и родительного, но в форме, подобной падежу дательному, в старых наших литературных памятниках весьма употребительно». И далее автор приводит микропараллели из Новгородской летописи, Евангелия XVII в., «Статута Литовского».

Исследователя волновала также проблема искажений текста «Слова». Как видится, он придерживался всеобщего мнения, что в процессе переписки «Слова» отдельные слова и даже целые предложения оказались не на своих местах. В связи с этим он предлагал ряд вариантов перестановок. Впрочем, здесь следует оговориться, что строки, в которых затрагивается вопрос перестановок, и предлагаемые варианты их, возможно, написаны не одним лицом. Но они интересны. Вот некоторые из них:

1. Гзакъ бежить серымъ волкомъ; Кончакъ ему следъ править к Дону Великому — Не за этим ли должно следовать: О, Бояне, соловию — Велесовъ внуче! (с. 11).

2. Чръленьми щиты. — Не за этим ли должно следовать: Не буря соколы — о Бояне, Велесовъ внуче! (с. 13). На нижнем пространственном поле (с. 17) автор оставил записи такого содержания: «Порядок перебитых мест должен быть, думаю, такой:

1) Другого дни вельми рано — презрадиша чръленьми щиты.

2) Были вечи Трояни — среди земли Половецкыи.

3) О Бояне, соловию стараго — Велесовъ внуче!».

В конце текста оригинала древнего памятника (с. 44) автор предлагает свое прочтение фрагмента: «Тяжело быть голове безъ плечъ; худо и телу безъ головы: а Русской земле безъ Игоря. Светить Солнце на небе: Игорьъ князь уже въ Русской Земле». — «Как тяжело быть голове без плеч; худо и телу без головы: так и Русской земле без Игоря. Что Солнце на небе, то Игорьъ князь в Русской земле».

Исследователь оставил к оригинальному тексту «Слова» более 400 микрозтудов. Мы изложили лишь несколько из них, представляющих, на наш взгляд, наибольший интерес. Следует, однако, заметить, что все тексты комментариев в полном объеме будут опубликованы и, надеемся, вызовут интерес у современного исследователя «Слова». Не сомневаемся, труд комментатора послужит для нынешнего и будущего поколений любителей древнего памятника как образец-модель работы над памятниками древности. Он сохранится как памятник культуры удивительной эпохи в истории России. Может, и не так важно знать его имя. Самое главное, что сохранилось оригинальное прочтение «Слова о полку Игореве» ученым огромной эрудиции, патриотом своего отечества.